

МАКС ГЛУКМАН

ПЛЕМЕННОЙ УКЛАД В СОВРЕМЕННОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКЕ *

Внутренние процессы, происходящие в африканском обществе, которые в значительной мере предопределили нынешний подъем национально-освободительного движения, привлекают сейчас внимание социологов-африканистов разных стран. Одной из сложнейших проблем современной Африки является сохранение в ряде ее районов отношений, свойственных первобытно-общинному строю, а также сохранение племенной организации и родовой знати.

В советской африканистике установился вполне определенный взгляд на эти институты доклассового и раннефеодального общества. Мы считаем, что в странах Африки — бурными или замедленными темпами, в зависимости от условий, — идет процесс становления капитализма. Элементы племенного уклада являются пережитками, являясь не определяющими физиономии африканского общества наших дней. Увлечение исследованиями пережиточных форм организации и идеологии африканцев не соответствует их действительному месту в современной жизни народов Африки. Зарастую это не более чем реконструкция — удачная или неудачная, в меру таланта исследователя.

Африка представила науке новые доказательства единообразия этапов развития человеческого общества. Только политические обскуранты решаются теперь «не замечать» коренных преобразований в африканском обществе. Но их разглагольствования об исключительности и неподвижности Африки тонут в громе революционных потрясений на Черном континенте.

Перед буржуазными учеными возникла необходимость объяснить очевидные для каждого непредубежденного наблюдателя социальные перемены в Африке. Многие довольствовались маловразумительными выводами о вытеснении африканского образа жизни (племена, натуральное хозяйство, культ предков) европейской культурой (города, промышленность, христианство). Для них Африка всегда и во всем — копия Европы: сказывается колониальная завскаса.

Однако есть на Западе и такие ученые, которые сознают, что дело вовсе не в стремлении африканцев подражать европейцам, что новая социальная структура не импонируется, а создается спонтанно в силу общих объективных закономерностей. К числу таких ученых относится Макс Глукман, крупный английский африканист, работающий в Манчестерском университете.

Мы воспроизводим статью проф. Глукмана, напечатанную во французском журнале «*Sahiers d'études africaines*», 1960, № 1. Она представляет несомненный интерес для советской научной общественности, ибо посвящена самой злободневной в африканской социологии теме и содержит материалы об особенностях общественного развития в условиях колониального режима.

Разумеется, мы далеко не во всем согласны с проф. Глукманом. В ряде мест статьи, что может помимо желания автора, создается ложное впечатление о стабильном и равновесии обмена населением между городом и деревней; общинник уходит в город — трайбализуется, рабочий возвращается в деревню — дезурбанизуется. Даже человеку, мало знакомому с диалектикой, должно быть понятно, что процесс изживания старого племенного уклада необратим и рост городов неизбежен. Вызывает сомнение также четкое определение существа трайбализма в городе. Едва ли можно назвать городской трайбализм новым явлением, не связанным с племенной структурой в сельской местности. Верно, что это явление иного порядка, но корни его все же не в современном городе, а в отсталой деревне. Город опережает деревню в социальном прогрессе и активно влияет на ее развитие. Пережитки племенного уклада преодолеваются под воздействием новых общественных отношений, сложившихся в городе. Таким образом, механическое сопоставление трайбализма, параллельно существующего в городе и в деревне, едва ли оправдано.

* Перевод и предисловие Л. Д. Яблочкова.

Проф. Глуман справедливо замечает, что сохранение племенной организации в большой степени объясняется поддержкой со стороны колониальных властей. Он высказывает в конце статьи смелое предположение, что африканское правительство урезало бы права племенной знати. Однако в самом начале статьи автор ищет причины консервативного подхода в ошибках английских чиновников. Не проще ли допустить, что чиновники, способствуя переносу элементов трибализма в город, и в этом следовали сознательной политике колониальных властей, стремившихся подорвать новые классовые организации, затормозить политическое развитие. Рабочие это прекрасно поняли, судя по тому, как они обошлись с представителями вождей на рудниках. Кстати, утверждение проф. Глумана, будто африканцы не выступают против трибализма, просто неверно. Чтобы не отвлекаться, сошлемся на соответствующее решение Аккрской конференции народов Африки, единодушно осудившей трибализм как реакционную силу, задерживающую высвобождение африканского общества из колониально-феодалных пут.

Привлекает особое внимание заявление проф. Глумана о том, что родо-племенная организация, сохраняя прежние формы, несет в условиях новой экономики совершенно новые функции. Речь идет о закреплении за отходником земельного надела из фонда племени в качестве гарантии от голода в случае потери работы. Это одна из своеобразных особенностей развития капитализма в колониальной Африке. Но автор почему-то упускает из виду, что общинное землепользование подвергается сейчас нападкам со стороны зажиточных крестьян, желающих получить землю в частную собственность. Примеров того немало в обеих Родезиях. Без показа классовой дифференциации и внедрения товарно-капиталистического хозяйства в деревне картина преобразования африканского общества не полна.

Так или иначе проф. Глуман признает классовое расслоение в африканском городе. Это очень важно в связи с тем, что буржуазная наука нередко полностью отрицает деление общества на социальные классы. Особенно много в последнее время говорилось и писалось о монолитном единстве африканского общества. Но пример в статье, по нашему мнению, приведен неудачный. Автор рассказывает о расколе Профсоюза африканских горняков Северной Родезии из-за того, что разные группы рабочих преследовали разные цели. Пример неудачен особенно потому, что этот раскол, как сообщает сам автор, произошел не сам по себе, а был организован администрацией.

Можно было бы высказать еще ряд замечаний: автор, например, явно недооценивает роль общего языка в формировании племенных землячеств в городе, сомнительно его высказывание, будто все баротсе отказываются от участия в политической борьбе и т. д. Однако предоставим нашему читателю возможность самому продумать суждения и выводы профессора Макса Глумана.

* *

*

Последние двадцать лет изучением племен и городского населения британской Центральной Африки занимались 14 сотрудников Института Родса-Ливингстона в Северной Родезии. В настоящей работе я коснусь некоторых результатов этих исследований. Я хочу сосредоточиться на показе того, как мы рассматриваем сохранение племенного уклада в новое время, несмотря на промышленную революцию, которая привела к столь значительным социальным сдвигам. Наша основная мысль сводится к тому, что в сельских районах признание себя членом племени влечет за собой участие в действующей политической системе и в ведении общего с сородичами хозяйства. Это продолжающееся участие обусловлено нынешними экономическими и общественными потребностями, а отнюдь не только консервативностью. С другой стороны племенной уклад в городе представляет собою явление совершенно иного порядка. Прежде всего, это основание для разделения множества африканцев разного происхождения, живущих вместе в городах. Разделение людей на этом основании идет по линии создания новых групп африканцев, таких как похоронные общества и общества взаимной помощи, которые вызваны к жизни потребностями городской жизни. Приходится изучать эти формы связи между соплеменниками в деревне и в городе во взаимодействии с новыми формами, такими как христианские секты, политические и экономические группы. Эти новые группы играют явно более значительную роль в городе, нежели в деревне. Таким образом, принадлежность людей к племени проявляется в двух совершенно разных ситуациях. И люди в значительной мере могут отделять одну сферу деятельности от другой.

Вопрос о том, отмирает или сохраняется и укрепляется племенной уклад, в ранних английских исследованиях был запутан из-за глубоких заблуждений в области социологического анализа. Вполне понятно, что работники администрации и миссионеры видели в африканском горняке на новых медных рудниках все того же общинника, только что покинувшего район расселения своего племени. Эти деятели считали поэтому, что африканские общинники, пришедшие в город, подвержены процессу «детрайбализации», который их меняет, т. е., по их мнению, портит; хуже всего то, что в городах, вне контроля со стороны вождей племен, они по наивности попадают в руки агитаторов. Большинство английских чиновников и многие миссионеры полагали, что африканцы, пытающиеся образовать профсоюз или политическую организацию, а также европейцы, которые стараются им в этом помочь, являются подрывными элементами, разлагающими простодушных и честных общинников. Я сам могу подтвердить, что подобного мнения придерживались чиновники Северной Родезии еще в 1947 г.

Вспоминаю одного толкового специалиста по вопросам труда, работавшего тогда в управлении, которое занималось урегулированием отношений между европейскими нанимателями и африканскими рабочими. Он говорил мне, что было бы лучше, если бы не было Профсоюза европейских горняков Северной Родезии, и проблемы европейских горняков решались бы Управлением труда. Думаю, что многие чиновники не извлекли уроков из событий двух последних столетий. А события показали, что всюду в современных промышленных городах создаются специфические организации, порожденные потребностями городской жизни, и что следовало ожидать неизбежного возникновения подобных организаций в Африке.

Нужно учитывать, что английские чиновники сначала набирались из высших и средних слоев сельского населения, поэтому они были мало знакомы с проблемами промышленного общества. В Африке они обзаводились огромными поместьями и правили так, что постепенно у них выработались традиции покровительственного управления простым народом. Позже чиновников набирали из тех же слоев, но с добавлением выходцев из семей служащих. Мне не приходилось встречать чиновников, которые были бы непосредственно знакомы с проблемами промышленного общества. Все вновь назначавшиеся чиновники служили первые годы в сельских районах и поэтому прониклись убеждением, ставшим традиционным в административных органах, что города и шахты являются чуть ли не источником порока для идиллического племенного общества — там де скромные туземцы предаются соблазнам роскошной жизни и мятежа.

Эти доктрины не были, конечно, сформулированы четко и открыто. Но они пронизывали всю политику администрации в отношении проблем современной жизни вплоть до конца второй мировой войны. Некоторый сдвиг произошел, может быть, только тогда, когда у власти в Англии стояли лейбористы.

Меня больше всего удивляет, что подобные доктрины оказали определенное влияние на английских и других этнографов. И я вовсе не уверен, что все они уже освободились от этого влияния. Наши этнографы, как и наши чиновники, были вскормлены на сельских традициях племен. Для них племя — исходный пункт, о которого следуют изменения в характере людей, попадающих в городе под влияние Запада. Поэтому исследование начинали с изучения первичного племени, первичного общинника¹. Соответственно, когда некоторые этнографы начи-

¹ См. очерки в сборнике L. P. Mair (ed.), *Method of Study of Culture Contact in Africa*, 1932 (только И. Шанера и М. Фортез высказывали там точку зрения, которую собираюсь отстаивать). Мнение, против которого я выступаю, явно исходит из книги: B. Malinowski, *The Dynamics of Culture Change*, 1946 (см. мой критический очерк: *An Analysis of the Sociological Theories of Bronislaw Malinowski*, «Rhodes-Livingstone Papers», 1948, № 16).

нали изучать африканцев в городах, они рассматривали стоящие перед ними проблемы так, будто они возникают в связи с приспособлением общинника к городским условиям. Все это сводилось к «процессу детрайбализации», который следует изучать и оценивать с точки зрения постепенного изменения общинника. Подобный подход к проблеме, мне кажется, был положен в основу докладов некоторых делегатов проходившей в Абиджане конференции по вопросам африканской урбанизации.

Я говорю, странно, что этнографы стали на эту точку зрения, так как упор в наших исследованиях делается на различие между людьми и их положением в социальной структуре. Больше того, в наших теоретических послылках мы подчеркиваем степень влияния социальной структуры на поведение людей. Поэтому мне всегда казалось, что нам следует подходить к изучению африканских городов, рассматривая их прежде всего как города. Короче говоря, тот факт, что африканцы сейчас длительное или непродолжительное время живут в городах, окажет гораздо большее влияние на их поведение, чем тот факт, что они пришли из племен. Африканский горожанин — это горожанин, африканский шахтер — это шахтер, а то, что он еще и член племени, имеет второстепенное значение. Я склонен предполагать, что по мере того как африканцы накапливаются в городах и включаются в промышленный труд, будут создаваться общественные отношения, соответствующие их новому положению. Они постараются для улучшения условий объединиться в профсоюзы и т. д.

Разумеется, африканцы еще будут подвержены воздействию факторов, не связанных с самой городской жизнью, таких, например, как быстрый рост городов, незнакомство африканцев с городским бытом, постоянные переезды африканских рабочих из деревни в город и из одного города в другой, культурные традиции и уклад жизни племени, из которого они пришли, а также традиционные родственные связи и вражда между различными племенами. Но даже это влияние племенного образа жизни действует нынче в городской обстановке, а не в сельской. Исходя из этого, я писал в одной из своих предыдущих работ: «в некотором смысле каждый африканец детрайбализуется, как только покидает район расселения своего племени, даже если влияние племени еще сказывается. Он живет среди людей, делящихся на группы по другому принципу, он зарабатывает себе на жизнь другим путем, подчиняется другим властям»². Он ходит по другим дорогам — улицы и тротуары зачастую вымощены, — он берет воду из крана, пищу покупает в магазине и т. д., и т. п. Он подчиняется теперь не окружному комиссару и вождю, а окружному комиссару и городским властям, комеданту поселка и управляющему-европейцу. Исходя из этого, на мой взгляд, необходимо начинать исследование городской жизни с утверждения, что с того момента, как африканец пересек границу поселения племени, он уже «детрайбализован», он уже вне племени, хотя еще подвержен его влиянию. Соответственно, когда человек возвращается из города в политическую область своего племени, он трайбализуется — дезурбанизуется, — хотя подвержен влиянию города.

Первое исследование городского населения британской Центральной Африки принадлежит перу покойного Годфри Уилсона, первого директора Института Родса-Ливингстона; оно было посвящено шахтерскому городу Брокен-Хилл³. Д-р Уилсон сформулировал свои выводы, исходя из перемен в поведении африканских горожан в зависимости от срока их пребывания в городе. Его глубокое исследование имеет бо-

² M. Gluckman, Seven-Year Research Plan of the Rhodes-Livingstone Institute, в журн. «Human Problems in British Central Africa», 1945, № 4.

³ G. Wilson, An Essay on the Economics of Detribalisation in Northern Rhodesia «Rhodes-Livingstone Paper», 1941—1942, № 5—6.

шое значение, но, мне думается, оно выдержано в том же духе переценки племенного уклада, на который я указывал выше.

Мои коллеги, последовавшие примеру д-ра Уильсона в деле изучения родезийских городов, подошли к этим проблемам иначе. Они начали свои исследования с утверждения, что имеют дело с горожанами, многие из которых пришли из племен и сохраняют связи с этими племенами. Из подобных исследований, возможно, самыми значительными являются последние книги проф. Дж. К. Митчела «Танец калела» и д-ра А. Л. Эпштейна «Политика в городской африканской общине»⁴.

Одной из основных тем, разработанных в книге Эпштейна, является показ того, как по мере роста городов меднорудного района типично городские организации и объединения рабочих свели на нет попытки европейцев наладить сотрудничество с руководителями групп, разделенных по племенной принадлежности. Я вкратце изложу его повествование и затем остановлюсь на некоторых социологических последствиях, которые подмечены Митчелом и Эпштейном.

Когда в начале 1930-х годов были открыты рудники в Луаншии, все управленческие должности и должности, требующие квалификации, заняли европейцы, а черная работа выполнялась африканцами — они тысячами приходили из племен, расселенных в английских, бельгийских и португальских владениях. На рудниках, как это бывало и на предприятиях Европы во время промышленной революции, требовалось обеспечить, с одной стороны, порядок, с другой — некоторые общественные службы для разноплеменного населения. Управительства не было сил обеспечить все это. К тому же и европейские и африканские горняки проживали на частновладельческих землях компаний. Компания предоставила жилища европейцам и африканцам, построила больницы, увеселительные заведения, пункты распределения продовольствия для африканцев. Африканцев поселили в огромном лагере под присмотром лагерного начальника (после его стали именовать начальником африканского персонала). На него возлагалась ответственность за размещение африканцев и обеспечение их всем необходимым, за упорядочение условий труда и разбор жалоб, за поддержание порядка и решение споров между африканцами. В этой работе ему помогали африканские конторщики, рудничная полиция и др. Африканцев из разных племен насчитывалось тысячи, поэтому логично было со стороны служащих компании считать разумным общаться с африканцами через представителей племенных групп. В связи с этим начальник лагеря учредил систему племенных старейшин. Им предоставили особые дома и выдали форму. По мысли начальника, рудничная контора должна была общаться с африканскими рабочими через старейшин, тогда как старейшины свою очередь должны были сообщать конторе пожелания и жалобы своих соплеменников. Кроме того, старейшинам поручались заботы новичках, пока те не устраивались в общежитие или не находили знакомых. Это самая важная задача при системе отходничества, когда люди постоянно перебираются из деревни в город и обратно, из города в город и с одного предприятия в городе на другое. Наконец, старейшины выступали судьями в мелких ссорах между мужьями и женами. Старейшины составляли совет.

Африканцы одобрили институт старейшин. Одновременно подобная же система была создана в городском поселке, выросшем близ самого города. Большинство старейшин или представителей племен, избиравшихся самими африканцами, были близкими родичами того или иного южды. Организация власти, принятая в племенах, была перенесена в условия промышленного города.

⁴ J. C. Mitchell, *The Kalela Dance*, «Rhodes-Livingstone Paper», 1956, № 27; A. L. Epstein, *Politics in an Urban African Community*, Manchester, 1958.

Эта система управления неплохо действовала вплоть до 1935 г. когда произошли крупные беспорядки в районе медных рудников (этот район называют Медным поясом). Беспорядки возникли в связи с требованиями африканцев увеличить заработную плату и улучшить условия труда. Забастовка началась на других рудниках, и местный комендант запросил старейшин о настроениях в самой Луаншии. Те заверили его, что здесь беспорядков не будет. Комендант велел старейшинам пойти к рабочим и умиротворить их. Однако рабочие выгнали одного из старейшин, обвинив его в сговоре с европейцами. Толпа осадила контору лагеря, где пришлось укрыться старейшинам. Было ясно, что в обстановке стачки они не имеют ни влияния, ни авторитета. Несмотря на это, после забастовки старейшины вернулись к прежнему положению. К 1937 г. на руднике было уже около сорока признанных старейшин. Эпстейн пишет по этому поводу: «система племенных старейшин действовала в основном удовлетворительно, с ней считались массы».

Я могу лишь вскользь коснуться выводов Эпстейна относительно причин создавшейся ситуации. Он делает упор на связи старейшин с племенем, на их родственные отношения с семьями вождей, на их знание обычаев и устоев племени, на их умение улаживать споры и т. п. И все же — как это ни парадоксально — они одновременно связаны с европейской администрацией рудников. Во время забастовки их выгнали за то, что они были заодно с европейцами. Следовательно, нужно обратить внимание на две особенности их положения. Во-первых, они являлись представителями вождей, источником их власти была политическая система того или иного племени, а к условиям работы африканцев в самих рудниках они не имели касательств. Там рабочие разбивались на смены и бригады безотносительно к племенной принадлежности. Именно это положение и привело африканцев к совместным действиям в забастовке во имя общих интересов. Это был конфликт в промышленности, и племенное деление здесь не играет роли. Поэтому в создавшейся ситуации старейшины не имели никакого влияния на рабочих. Во-вторых, в деле управления африканцами старейшины стали представлять компанию, поэтому рабочие, выступавшие против компании, считали старейшин своими противниками. Когда же забастовка кончилась, старейшины смогли вернуться к своей прежней роли.

Положение менялось постепенно до второй вспышки забастовки в Медном поясе в 1940 г. Беспорядки произошли на руднике Нкана, там стреляли в горняков. Но в Луаншии было тихо. Во время стачки на шахтах Муфулира был создан забастовочный комитет из 17 человек и ведения переговоров с компанией. На всех шахтах с авторитетом старейшин перестали считаться. А создание забастовочного комитета на шахтах Муфулира знаменовало начало новых порядков, при которых племенное деление как основа для разрешения конфликтов африканских горняков на предприятиях утратило значение.

Вскоре после войны английское (тогда лейбористское) правительство послало в Африку инструкторов, чтобы помочь африканцам создать профсоюзы. Профсоюзное движение в африканской среде уже существовало, но теперь оно получило поддержку правительства. В конечном счете в шахтерских городах Северной Родезии появился мощный и сплоченный профсоюз — Профсоюз африканских горняков, взявший на себя переговоры с администрацией компаний. Первым шагом на пути к полному контролю было требование профсоюза уничтожить систему племенных старейшин; профсоюзные лидеры считали старейшин угрозой для собственного авторитета и орудием, которое может использовать против них компания. Среди горняков был проведен референдум: в нем приняли участие 85% от 35 тыс. рабочих, из них 97% проголосовали за уничтожение системы племенных старейшин. Профсоюз в конце концов вытеснил прежнюю организацию представителей племен из про-

мышленной сферы, но позже я скажу несколько слов о том, как племенная принадлежность продолжала влиять на политику профсоюза.

Изложенный Эпстейном ход событий в городском поселке был примерно таким же, но не столь ясно выраженным. Он полагает, что неразделенная структура самого рудника с централизованным руководством всеми сторонами жизни горняков — работой, питанием, отдыхом и т. д. — вызвала к жизни нерасчлененную структуру африканского профсоюза, тоже заботящегося о разных аспектах жизни горняков и не терпящего никаких соперников. А в городском поселке живут рабочие и служащие самых различных предприятий, домашняя прислуга, кустики и т. д. Поэтому стремление африканцев к единству действий в профсоюзе было меньше, меньше было и возможностей организовать. И все же события в городском поселке разворачивались так же, как на руднике. Власть племенных старейшин (если не считать урегулирования мелких споров) постепенно была сведена на нет организациями, в которых действовали более образованные и более состоятельные африканцы, не имевшие таких связей с семьями вождей и более прочно осевшие в городе. Кроме того, если правительство создавало где-либо советы или даже суды, чтобы облегчить управление разнородным африканским населением, в среде горожан сама по себе возникала оппозиция. Оба процесса развивались во взаимной связи, ибо политика правительства основывалась на использовании племенного деления, тогда как образованные африканцы настаивали на том, чтобы лидерами в городах были люди, знакомые с особенностями городской жизни, и чтобы они не выступали хранителями обычаев племени. Однако в поселке положение гораздо менее устойчиво, чем на руднике.

Эпстейн указывает далее, что господство профсоюза не ликвидировало деления на племенные группы в промышленности. В какой-то мере это деление утратило прежнее значение на предприятиях, где противостоят интересы африканцев и европейской администрации. Но в отношениях между африканцами племенное деление играет роль. Так, при выборах на официальные посты в профсоюзе заметна солидарность соплеменников. В частности, представители разных племен жаловались на то, что все руководство профсоюза в руках бемба⁵. Дело доходило до того, что африканцы ньякюса из юго-западной части Танганьики заговорили о создании отдельного профсоюза ньякюса. Правда, в общей забастовке они приняли участие. Эпстейн указывает, между прочим, что ньякюса не получают поддержки (скажем, продовольствия) из дома во время забастовок, как другие африканцы из близлежащих племен Северной Родезии. Кроме того, подавляющая часть ньякюса приходит из жен, и у них некому возделывать огород.

Племенные связи имеют наибольшее значение именно в борьбе за руководство в профсоюзе. Однако даже в этом смысле нельзя безоговорочно сказать, что играет роль вражда между племенами и приверженность своей племенной группе. В первые годы работы рудника должности, предназначенные для образованных африканцев, занимали ньясалендцы (система просвещения в Ньясаленде была создана раньше и действовала лучше) и не менее развитые баротсе⁶. Ньясалендцы к тому же раньше других освоили горняцкое дело, бывая на рудниках Южной Родезии. Наконец, африканцы бемба (бемба — одно из крупнейших племен, расселенных поблизости) заняли многие низшие административные должности на руднике. Таким образом, хотя некоторые африканцы рассматривают борьбу за руководство на руднике с племенных позиций, на деле соперничают группы людей с раз-

⁵ 150-тысячный народ в северной части Северной Родезии, из среды которого на рудники приходит наибольшее число отходников (*Прим. пер.*).

⁶ Баротсе (самоназвание — лози) — африканская народность на крайнем западе Северной Родезии (*Прим. пер.*).

ной квалификацией. После того как положение профсоюза окончательно упрочилось, началась борьба с компанией и с профсоюзом европейцев не только за повышение ставок африканским рабочим, но также и за предоставление африканцам мест с лучшей оплатой, которые требуют большей квалификации. Тогда стал вопрос, за что должны бороться профсоюз: за небольшое число хорошо оплачиваемых должностей для образованных африканцев или за общее улучшение условий для массы сравнительно неквалифицированных рабочих. В этой борьбе выковалось новое боевое руководство, в большей степени представляющее простых рабочих — и оно побеждало на многих профсоюзных выборах. Борьба достигла апогея, когда рудничная администрация выделила несколько ставок для квалифицированных африканцев и ввела для них помесечную оплату вместо сдельной поденной. Администрация потребовала также, чтобы они вошли в новый особый профсоюз, созданный африканскими служащими, который возглавили баротсе. Старый профсоюз объявил забастовку в знак протеста; вслед за тем правительство, считая эту забастовку политической, арестовало 62 лидера профсоюза и выслало их в районы расселения соответствующих племен.

Для нас эта забастовка имеет большое значение потому, что она выявила факт расслоения африканского городского населения по «классовому», можно сказать, принципу. Недавняя борьба за руководство в профсоюзе и создание нового профсоюза свидетельствует, что среди африканцев происходит разделение интересов в промышленной сфере. Как только профсоюз одолел своих потенциальных противников — старых руководителей от племен, его члены (как это бывает у союзниками в иных случаях) раскололись, ибо преследовали разные цели. Подобные явления можно наблюдать и в истории Европы.

Классовое деление, пишет д-р Эпстейн, сказывается во всем. Оно распространяется на различные институты. Это понятно, ибо африканцы теперь стремятся жить по-европейски. Проф. Митчел проследил, как воздействует эта ситуация на танец калела. Его исследование основывается на толковании влияния общей социальной обстановки на построение и поведение одной из танцевальных групп.

Танец калела очень популярен в Медном поясе. Африканцы танцуют его группами, составленными выходцами из одного племени. В время танца высмеиваются африканцы других племен, их шутя обвиняют в разных нехороших привычках, например в том, что они ведут беспорядочную, даже распутную жизнь. Таким образом внешне в танце выражается превосходство племени танцоров и поносятся другие племена. Однако представители этих других племен присутствуют тут же и весело хохочут вместе со всеми над сомнительными шутками, не правленными против них же самих. Митчела поразило тот факт, что хотя внешне это выглядело соперничеством между племенами, танцоры называли своих начальников после перечисления высокопоставленных английских военных и гражданских лиц. Танцоры не надевают традиционных одежд племени, вместо этого на них всегда отличные европейские костюмы — и во время танца за костюмом тщательно следят, чтобы все было в порядке. Это обязательное правило, хотя танцоры принадлежат к слою наименее квалифицированных и малограмотных рабочих. Исходя из этого, Митчел трактует танец как отрицание всеобщего стремления африканцев к культурной жизни и европейскому образцу. Он показывает также, используя другие данные, как высоко ценятся черты такой жизни у африканцев. Но, оговариваясь Митчел, эти чернорабочие вовсе не стремятся через танец приобщаться к европейской части общества Центральной Африки: они отгорожены цветным барьером. В танце они хотят приобщиться к живой африканской интеллигенции. Митчел показывает, что в политическом

ской деятельности, например в движении протеста против создания Центральноафриканской федерации, африканцы всех классов и всех племен (за исключением баротсе, которые пользуются покровительством по особому договору) объединились против европейцев. А внутри они разделены на классовые ступеньки, по которым люди стремятся подняться вверх. В этом состоит одна из тенденций городской жизни, и она довольно явно расходится с племенным укладом.

Правда, танцевальные группы состоят из соплеменников, носящих другие племена. Значит, их существование следует объяснять так же и сохраняющимся значением племенного деления в городах. Митчел делает вывод, что трайбализм в городе действует главным образом как метод, с помощью которого человек делит разноплеменную массу народа на понятные ему категории. Со своим соплеменником он может говорить, у них одни и те же обычаи и устои. Митчел заметил, что по существу браков между людьми из разных племен не так много, как принято считать; женятся чаще всего на сестрах и дочерях соплеменников. Больше того, применяя метод социального анализа, Митчел обнаружил, что африканцы группируют все племена в городе на несколько ограниченных категорий и что между ними установились определенные нормы отношений. Так, он обнаружил, что шуточные взаимоотношения между людьми из племен данного района установились в наши дни, а не являются, как раньше думали, традиционными. Митчел подчеркивает, что племена в городе представляют собою категории, на которые люди делят население, и это деление вызвало к жизни множество оттенков общественных и личных отношений. Митчел и Эпстейн указывают, что в домашней обстановке (мы, кстати, видели, что браки по большей части заключаются между соплеменниками) обычаи и устои племени действуют в полную силу, хотя они перетерпели большие изменения в условиях города.

Короче говоря, чтобы понять сохраняющиеся племенные связи в городе, следует оценивать их значение в сравнении с господствующими формами организации, которые обусловлены жизнью в городе и работой в промышленности. Люди селятся в городах как рабочие, они объединяются здесь общими интересами, пренебрегая племенным делением. Приверженность племени может повлиять на отношения внутри этих городских объединений, и политическая борьба в этих ассоциациях может иногда в силу обстоятельств получить племенную окраску. В общественных отношениях между людьми вне работы трайбализм в том или ином виде составляет основу для группирования людей. Приверженность своему племени и своим обычаям в семейной жизни непререкаема, насколько позволяют обстоятельства. И во многих городах (хотя и не в Медном поясе) общества взаимной помощи, хоронные общества и т. п. создаются на основе единой племенной принадлежности. Но классовые отношения приобретают все более важное значение и, по словам Эпстейна, пронизывают все. Интересно, что Эпстейн обнаружил при позднейшей работе в одном торговом городе, что бывшие ученики определенных училищ тоже чувствуют некую связь между собой.

Эпстейн заканчивает свое исследование утверждением, что при изучении новых африканских городов можно наблюдать множество установившихся правил. Это подтверждается тем, что люди живут и делают свои дела в городах довольно спокойно, без страха. Отсюда то, что в этих городах реально существует какая-то единая социальная организация. Нельзя, конечно, думать, что эта социальная организация тверда, неподвижна и уравновешена. Городская жизнь состоит из многих полунезависимых областей деятельности, в которых люди объединяются для соответствующих целей: чтобы наладить домашнее хозяйство и растить детей, чтобы проводить время с друзьями, чтобы

работать и улучшить свое положение, чтобы достичь политических целей. Разные принципы общественной организации могут потребоваться в различных сферах человеческих отношений. Так, профсоюз может вытеснить из города племенных старейшин, а с ними вместе и власть вождей племен, не затрагивая трайбализма как категорию и даже не нарушая верности вождю племени в иных ситуациях. Разрешите мне подчеркнуть, что такое положение вещей отнюдь не присуще только африканцам. Трайбализм действует, хоть и не так заметно, в английских городах: там шотландцы и ирландцы, уроженцы Уэльса, равно как евреи, ливанцы и те же африканцы создают свои землячества, а их домашняя жизнь строится в соответствии с национальными обычаями. Однако все могут объединиться в политическую партию, в профсоюз или федерацию предпринимателей. Трайбализм в центральноафриканских городах отличается от трайбализма во всех других городах только тем, что яснее выражен.

Указанные исследования городской жизни подчеркивают, что племенное единство в этих городах не имеет решающего значения в политике. Трайбализм не является определенной суммой политических взаимоотношений. В этом современный городской трайбализм сильно отличается от трайбализма в сельских районах. В сельских районах (при английской системе управления) каждое племя — организованная политическая единица со сложной внутренней структурой. Возглавляет племя — по крайней мере, в Центральной Африке — обычно традиционный вождь с традиционным советом старейшин; племя делится на деревни и другие политические единицы. Здесь политика правительства заключалась в том, чтобы править через посредство племенной организации. Правительство, таким образом, оказало мощную поддержку племенной политической структуре как таковой, и она продолжает действовать. Можно также сказать, что здесь не утратили значения консервативная в общественном смысле преданность вождю. Больше того, создавшиеся в городах новые промышленные и городские политические объединения только косвенно затронули чувства принадлежности к племени. Но мы считаем, что система племенной деления в сельской местности тоже служит новым важнейшим потребностям современного африканца.

Все африканцы сейчас стремятся заработать. Им нужны деньги, чтобы заплатить налоги, чтобы купить одежду и другие европейские товары, чтобы учиться и пользоваться коммунальными услугами. Каждый общинник из племен Центральной Африки имеет возможность выручить деньги, продавая часть урожая или рыбу. Большинство уходит на продолжительный или на короткий срок работать на европейское предприятие, главным образом в города. Но в промышленности они не чувствуют уверенности в завтрашнем дне. Эта неуверенность, да еще плохие жилищные условия затрудняют воспитание детей в условиях города. До самого последнего времени африканцам не позволялось обзаводиться собственными домами, жилье давала контора, где они работали, — это положение почти не изменилось. Нет обеспечения безработице, пособия в случае болезни или производственной травмы очень малы. Для престарелых работы нет, забота о них не проявляется. Пенсии выплачивают немногим, да и те ничтожны. Африканцы постоянно ощущают непрочность своего устройства в городах.

В любом округе можно услышать о случаях, подобных тому, что рассказал мне один из моих сотрудников. Однажды утром, когда он работал близ Замбези, он заметил двух человек на другом берегу, т. е. на зарубежной территории. Один из них крикнул перевозчику, они переехали на лодке реку. Оказалось, что это полицейский ведет домой слепого старика. Старик оставил свою деревню лет тридцать назад и не поддерживал никакой связи с родственниками. А тем

то, старого и беспомощного, ведут в деревню, чтобы кто-нибудь по-калел его и позаботился о нем.

Наконец, все африканцы помнят времена мирового кризиса, когда иудники закрылись и тысячи рабочих вернулись в районы поселения своих племен, подобно тому, как миллионы американцев в период того же кризиса ушли в деревню, чтобы пропитаться. Жизнь в промышленном городе лишена прочного основания для большинства африканских рабочих, поэтому они не порывают связи с землей и со своим домом в деревне. В большинстве своем они хотят вернуться домой и думают об этом. К тому же закрепленный участок земли всегда оказывается необходимым для заполнения пробелов в бюджете семьи⁷.

Следует считать, что семьи общинников, уходящих на заработки, черпают средства из двух разных источников. Основой все же является их земельный участок, и многие отходники оставляют своих жен и детей кормиться с него. Старики тоже должны жить в деревне. Именно поэтому Уотсон писал о мамбве, живущих на границе между Танганьикой и Северной Родезией, что они совершают походы в города, чтобы добыть денег. Если общинники хотят возделывать свою землю и одновременно совершать походы в города, им приходится предельно расширять сферу своей экономической деятельности. И чтобы преуспеть в этом, они должны объединять свои усилия. Короче — им нужно жить группой родственников, часть которых может уйти в любое время, чтобы заработать деньги, тогда как другие остаются дома и возделывают землю, ухаживают за скотом, а также заботятся о женах и детях. В одних племенах высвобождение мужчин организовано более успешно, чем в других, в силу совокупности причин, которые изучил д-р Уотсон, но которые здесь изложить невозможно. Иные племена потерпели явную неудачу. Однако все возвращаются на землю — это последняя надежда.

Земля здесь не частный участок, которым человек владеет сам для себя. Африканец сохраняет свое право на землю по двум линиям. Во-первых, как члену племени, ему полагается участок годной к обработке земли и участок для застройки, он может пользоваться общим выгодным, ловить в определенных местах рыбу и собирать дикорастущие плоды. Во-вторых, все племена (за исключением тех, которые свободно перемещают свои участки, имея неограниченные площади) представляют общиннику право на землю как жителю деревни и как члену группы родственников. Право человека на землю в районе расселения его племени зависит от того, признает ли он себя членом племени со всеми вытекающими из этого обязательствами. Африканец владеет землей в Баротселенде потому, что он баротсе, а не лунда, например. И племя ревниво охраняет эти права. Общеизвестно, что в соответствии с традиционной системой землевладения народов банту (которую в общем можно назвать предфеодальной) вождь должен распределять землю среди своих подданных. И он зачастую осуществляет это через посредство сложной общественной иерархии. Я изучал развитие системы землевладения у всех племен Центральной и Южной Африки и не знаю случая, чтобы вождь, когда земли становится меньше и она обретает большую ценность, брал себе несоразмерный участок. В некоторых племенах, по мере того как начинает ощущаться нехватка земли, вожди узаконивают неотъемлемые права каждого общинника на определенный участок. Вождь первым делом распоряжается отданную какому-нибудь подданному землю, которая не используется, чтобы распределить между безземельны-

⁷ Особенно четко поставлена эта проблема применительно к данному району в двух книгах: W. Watson, *Tribal Cohesion in a Money Economy*, Manchester, 1960; M. Glickson, *Essays on Lozi Land and Royal Property*, «Rhodes-Livingstone Paper», 1943, № 10.

ми,— так было, в частности, у нгвакетсе в Бечуаналенде. Затем вождь распоряжается передать безземельным участки, которые не обрабатывались определенный период. И, разумеется, передача этих участков под обработку ведет к оскудению земель. В конечном счете получается, как в Басутоленде, где на каждую семью полагается по закону только один гектар. Люди обходят эти законы с помощью различных уловок, но тенденция ясна как руководителям, так и массам общинников. Каждый человек, являющийся членом племени, имеет право жить со своей семьей на земле племени.

Я уверен, что чувство товарищества, взаимное участие и стремление к справедливости повлияли на эти законы. Но помимо того, остающиеся в деревне прямо заинтересованы в работе тех, кто уходит в город. Ведь они приносят домой деньги, которые всем нужны. В некотором смысле остающиеся хранят землю как гарантию того, что получают денежную поддержку от отходников. А отходники дают деньги остающимся как плату за это хранение. Итак, они получают гарантию за принадлежность к племени, ибо вождь наделяет их участком за верность и поддержку. Поэтому они почитают своих вождей, а поскольку они вождей почитают, вместе с вождями в сельских районах они признают и налаженную систему политических отношений племени. Мало кто из общинников стремится сломать племенную политическую систему как таковую, хотя группы с новыми интересами и новая имущая прослойка в племенах иногда борются за власть в племенных советах. Признание племенной политической системы влечет за собой признание многих обычаев и правил, вытекающих из этой системы.

Там, где земли обрабатываются родственниками совместно или где родственники организуют отходничество так, как было описано выше, гарантия землевладения предусматривает также признание родственных обязательств, а вместе с этим многих других традиций племени. За неимением места я не могу развивать этот тезис нашего исследования, не могу также коснуться процессов, происходящих в племенах, в которых общинники зарабатывают деньги рыбной ловлей и продажей части урожая.

Итак, мы видим, что племенной уклад в сельских районах сохраняется благодаря поддержке правительства, а также потому, что связь с землей племени имеет чрезвычайное значение для африканца. И эта связь влечет за собой признание племенной политической системы с ее традициями, признание составляющих эту систему групп с их традициями. Короче, трайбализм в сельских районах — это участие в хорошо налаженной системе общественных отношений, основанной прежде всего на правах вождя как хранителя общей земли племени. Зависимость от земли и общественные отношения, связанные с этой зависимостью вселяют в душу нынешнего африканца уверенность, которой они не находят в городской жизни, и гарантируют их от превратностей судьбы работников промышленности. Трайбализм в городе не является такой налаженной системой политических и других общественных отношений. В городах люди делятся на особые группы, свойственные городской жизни, создают организации, характерные для промышленных центров. Попытки европейцев перенести племенную систему управления в город, чтобы с ее помощью разрешить проблемы промышленного города, были отвергнуты. Но племенные связи и вражда влияют на ход борьбы внутри новых объединений, хотя иногда это служит прикрытием борьбы по другим линиям. Племенные взаимосвязи и обычаи все еще господствуют в семейной жизни. Трайбализм используется как главная основа для деления людей на категории. Так, африканец определяет, как ему относиться к людям, с которыми он сталкивается на работе и в других местах. Некоторые ассоциации возникают из потребности соплеменников во взаимной помощи. Но классовые связи на

нают все же пронизывать жизнь и культуру новых городов. Во всех этих отношениях африканский город наверное лишь в незначительной степени отличается от какого-либо другого города в любой стране. Когда обостряется обстановка, общие интересы, возникающие в связи с отношениями в промышленности и городе, явно вытесняют племенные связи и подразделения.

Несмотря на то, что процессы, происходящие в городе и в деревне, как мы видели, влияют друг на друга, особые объединения, отражающие те или иные процессы, могут быть до некоторой степени независимыми. Племенные старейшины были вытеснены с рудников профсоюзами, и все же застрельщики этого дела относились к явившемуся в город вождю с почетом, пока тот не вмешивался в конфликт между рабочими и предпринимателями. Жизнь африканцев как бы раздвоена, и они попеременно живут в разных сферах — так бывает со всеми. Мы не учли здесь взаимного влияния сфер деятельности, но для этого плетать-таки не хватает места.

Что же такое «детрайбализация»? Возможно, мои противники в научном споре тоже правы. Африканец всегда трайбализован — и в городе и в сельской местности, — но трайбализован совершенно по-разному. Как видим, в сельской местности он живет под всеобъемлющим контролем налаженной системы внутривосемных отношений, а в городе приверженность племени действует в системе типично городских организаций. Значит, африканец в деревне и африканец в городе — два разных человека, ибо общественная обстановка в племени, где он живет, и в городе, где он работает, определяет его поведение и его причастность к организациям: все это происходит в пределах общей политико-экономической системы, охватывающей обе сферы.

Postscriptum. Хотя я и говорил о разделении деятельности африканца в городе и районе поселения племени, я не считаю, что это достигается без конфликта в обществе и в умах. И все же этот конфликт так или иначе решается разделением сфер деятельности.

Исследование проведено на материалах Северной Родезии и Ньясанды, процессы в других местах могут быть иными. Типичные для промышленного города организации менее успешно развиваются, например, в Южно-Африканском Союзе, где существуют строгие законы против таких организаций. В Британской Центральной Африке до последнего времени английский парламент оказывал заметное влияние на политику правительства. По-видимому, племенные связи в городах БАС имеют большее значение, чем в Родезии.

На положении вождей отражается наличие высшей колониальной администрации и европейских колонистов. Поэтому в нынешней политической борьбе вожди примкнули к городским руководителям. Развитие местного самоуправления без господства колонистов могло бы привести к радикальным переменам, как это было в Гане. Африканское правительство, возможно, пожелало бы уменьшить автономию племен, а с нею и власть вождей.
